

Литературная газета

Орган правления Союза Советских Писателей СССР

Под редакцией **С. БАГРИЦКОГО**, **А. ВОЛОТНИКОВА**, **И. КОЛЬЦОВА**, **В. ЛИДИНА**, **А. СЕЛВАНОВСКОГО**, **И. СЕЛЬВИНСКОГО**, **М. СУВОЙКО**, **М. СЕРЕБРЯНСКОГО**, **М. ЧАРНОГО**, **Е. УСЕВИЧА**.

№ 2 (493).

Четверг, 10 января 1935 года.

ИСКУССТВО МИЛЛИОНОВ

Советская кинематография празднует пятнадцатилетие своей творческой созидательной работы. Праздник — радостный для всего советского искусства, для многомиллионного советского зрителя, заполняющего и громадные залы столичных кинотеатров, и маленькие сельские киноаудитории.

История советского кино напоминает известный факт с реконструкцией завода Рябушинского в АМО, а затем и автозавод-гигант им. Сталина. Об этой «реконструкции» говорилось, что мы взяли у Рябушинского ПУГОВИЦУ и пришили к ней ПАЛ-ТО. То же можно сказать и о большевистской «реконструктивной» работе в кино. Мы получили в наследство от Ханжоновых и Ермольевых пару кустарных, полупарушенных фабричек, «творческие накопления» в виде бездарных, беспомощных техничек картин «Русской золотой серии» и создания переклассовую кинопромышленность, мощные фабрики и заводы, созданные фильмами, перед мастерством которых преклоняется мировая кинематография.

Наши советские картины несут миллионы в волнующих прекрасных образах передовые идеи человечества, ударами революционного грома они вырывают стены буржуазных кинотеатров — недаром так ненавидит враг наше кино. Недаром так дорого оно миллионам трудящихся нашей страны, переживающих через незабываемые кадры «Броненосца», «Матери», «Встречного» и «Чапаева», «Арсенала» и «Челюскина» героические эпизоды боев за революцию на фронтах гражданской войны, боев за социализм в городе и в деревне в период реконструкции. С экрана говорят с миллионами любящие вожди революции. С экрана входят в жизнь возбуждают в зрителе лучшие чувства, воспитывают новые качества — прекрасные образы революционных героев, борцов с царизмом и интервенцией, большевиков-строителей.

Партия с первых дней прихода к власти уделяла громадное внимание кино, которое ЛЕНИН назвал самым важным из искусств. Великий заочник социализма СТАЛИН находит время для бесед с отдельными работниками кино, для обсуждения их сценариев; лично т. Сталин и Центральный Комитет повседневно руководят развитием кино и именно этому руководству советское кино обязано тем большим подъемом, на котором оно сейчас находится.

Мудрая политика партии в отношении художественного фронта, нашедшая такое блестящее выражение в решении от 23 апреля 1932 г., заботливое и внимательное воспита-

ние мастеров советского кино — режиссеров, актеров, операторов, инженеров и техников — дала обильные плоды. За последний год успехи советского кино особенно эффектны. Нет сейчас ни одного мастера, который не дал бы или не готовил новых произведений, обещающих быть значительными явлениями. Прекрасный «Чапаев» стал гордостью страны, имена его создателей стали в ряд с именами знаменитых ее людей. Сбывается мечта Маяковского о поэзии, имеющей для жизни страны такое же значение, как и важнейшие общественно-политические события.

1934 год был исключительно богатым годом в жизни всего нашего фронта искусств. Съезд кинематографических искусств, съезд международной демонстрации идейно-воспитательной силы социалистической литературы, он вылился в культурно-политическое событие огромной важности. Советские зрители, знавшие в отдаленные дни леса со своих новых творений, открывшие перед глазами московские новые проспекты, одевшие в гранит набережные Москва-реки, готовые встретить свой предстоящий съезд широким разворотом новых грандиозных работ, знающих лишь наших городов, нашей деревни. Лишь пару месяцев назад открылся очередной театральный сезон, а мы уже имеем ряд интереснейших спектаклей и еще большее можем ждать от ближайших месяцев.

Кипучей творческой жизнью живут художники нашей страны!

Советское кино на фронте искусства занимает передовые позиции. Его последние успехи наиболее эффективны и разительны. Оно ТВОРИТСЯ наиболее богато явлениями и событиями. В самом деле, ни один другой участок искусства не дал столько новых ценных произведений за последний год, как кино.

Мы с радостью можем констатировать, что в успехах этих есть и доля участия писателей. Нет сомнения, что приход писателя к кино сыграл положительную роль для всего дела. В ближайшие времена должны появиться фильмы, сработанные по сценариям писателей, и есть основания предполагать, что они будут интересными. Однако, с другой стороны, нельзя не признать, что последние фильмы, имевшие такой успех у зрителя, сделаны без участия писателей. А между тем замечательный «Чапаев» Василия не смог бы появиться без замечательного «Чапаева» Дм. Фурманова.

В дни юбилея советской кинематографии нам хочется поэтому призвать и работников кино и работников литературы к боевой, дружной, совместной работе.

ВОСТОРГ И БЛАГОДАРНОСТЬ

НАШИ ЗАРУБЕЖНЫЕ ДРУЗЬЯ О СОВЕТСКОМ КИНО

Ромэн Роллан
ЭПИЧЕСКОЕ ВЕЛИЧИЕ

Я видел очень немногие значительные советские фильмы, так как живу во Французской Швейцарии, где они редко демонстрируются (в особенности в районе Монтра). Но все же мне удалось посмотреть «Потомок Чингис-хана» Пудовкина и «Путевку в жизнь» Эйка и я не могу вам передать всего восхищения, которое они у меня вызвали. «Потомок Чингис-хана» я несомненно дней подряд смотрел в пустом на девять десятых зале, публика которого состояла из меланхолически переваривающих свою зелье англичан.

В этих фильмах меня увлекает не их непреодолимый ритм, по временам переходящий в бурю (и другие кинематографические предприятия усвоили эту науку динамичности), но главным образом созданная ими атмосфера пропитанности всего быта окружающей обстановкой, материальной и моральной. В первых сценах «Потомка Чингис-хана» это достигается эпическим величием (сцены в степи, в юрте и во время погони). Воздух, земля, облик и движения действующих лиц влияют на нас, как проникновенная музыка.

Должен прибавить, что я попрежнему отдаю предпочтение немому фильму, так как их сугубая способность кажется мне гораздо глубже, чем звуковой фильм, именно потому, что этот последний слишком утончает, лишает зрителя огромного внутреннего подъема — он привязывает его, как жужка — ниткой за пятку.

Не ставя перед собой задачи задержать темп технического прогресса, которым я первый восхищаюсь, я желаю бы, чтобы новый звуковой фильм сумел часть своих сил сохранить для немого действия, — так же, как это происходит в Перифале Вагнера, где длинные сцены развешиваются при абсолютном молчании голосов; и нельзя сказать, чтобы эти сцены были наименее проникновенными.

Теодор Плихье
НА ЭКРАН В Ы Ш Е Л КОЛЛЕКТИВ

Однажды я услышал следующую мысль: если бы хоть один чаплиновский фильм уделел, то нечего было бы жалеть о гибели всей современной кинематографии.

Много лет прошло с тех пор, как эта мысль была высказана.

Тогда она еще имела под собой некоторую почву. В то время Чаплин действительно представлял собой непревзойденную вершину кинематографического искусства. В своем всегда неизменном гриме, с знаменитой тротуарной, пресловутой ботинка и в бранных, связывавших красноречивыми складками, он сумел воспроизвести на экране все оттенки чувств и ощущений забытых и забытых человеческих типов. Чаплин являлся самым удачным и концентрированным выражением той эпохи киноискусства, которая могла найти свое выражение только в индивидуалистической форме той эпохи, конец которой наступил лишь с появлением советского фильма «Чапаев» — «Потомка», а вслед за тем и целого ряда других лет.

Я повторно давно признанную истину, если скажу, что советский фильм произвел своим появлением поистине революцию, повалившую — с сожалением — гораздо больше на зрителя, чем на кинопроизводство. Советский фильм пробил брешь в чисто-буржуазной манере кино-формирования и переместил центр тяжести с личности на действующую и борющуюся массу, которой до тех пор на экране отводилось лишь незначительная роль толпы статистов.

Появление советского фильма явилось и еще одно обстоятельство. Оказалось, что индивидуалистическое направление, даже в лице его лучшего представителя — Чаплина, уже не может больше удовлетворять угнетенную и оскорбленную часть человечества. Для того чтобы обеспечить себе успех в дальнейшем, буржуазное кино вынуждено было переключиться на изображение жизни и деятельности коллектива. Это следует особенно подчеркнуть и в этом случае, так как основная ценность советского фильма и причина его потрясающего воздействия на европейские массы. Для того чтобы получить представление о глубине этого влияния, достаточно было хотя бы раз побывать в каком-нибудь из берлинских кинотеатров в момент появления, которого устраивали при появлении на экране советского фильма протестарские, а очень часто даже и буржуазные зрители. В особенности — при виде «Броненосца Потемкина», прорывающегося сквозь строй эскадры или в тот момент, когда воплощенные в лице героя «Чингис-хана» массы обрушиваются с седьмой высоты и устремляются вперед, со всей полнотой неперехватываемой динамикой. Матросы из «Потемкина», мать и партизаны в интерпретации Пудовкина, беспризорники из «Путевки в жизнь» — все это совершенно незабываемые образы. Они органически выросли из подлинной жизни и все живо откликается на них далеко за пределами границ Советского союза. Тот факт, что в некоторых странах эти фильмы были совершенно запрещены или что они все же пробивали себе путь после очень длительной борьбы, является только лишь лирическим доказательством их подлинной ценности, глубокой силы и большого воспитательного влияния, которое они оказывают на широкие массы зрителей.

Правда, встречаются и такие советские фильмы, которые по своим качествам не поднимаются выше уровня посредственности. Но, к счастью, это — исключения, которые только подтверждают подлинно колоссальные достижения советского кино. В связи с юбилеем есть с чем поздравить советское кино.

Юрис Ивэнс
ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ФИЛЬМЫ В ГОЛЛАНДИИ

Первые советские фильмы в Голландии были получены через Межрабонфильм. Своей силой, зоркостью, молодостью советские фильмы выделялись из общей массы бесцветных держательных сентиментальных картин Германии и других западноевропейских стран. Сильными они были потому, что возникли через революционную борьбу и социалистическое строительство пролетариата.

На закрытых ночных просмотрах мы, молодые художники и студенты, вели борьбу против буржуазной цензуры в Голландии, которая боялась влияния этих фильмов. Благодаря же высокому художественному качеству мы добились разрешения открытой демонстрации советских картин. Наши рабочие видели: «Мать», «Юнец С. Петербурга», «Потомок Чингис-хана» — Пудовкина. Затем «Путевку в жизнь» — Эйка, «Оранду» — Барнета и «Три песни о Ленине» Вертова.

Кто присутствовал при демонстрации этих фильмов в рабочих кварталах больших городов или в деревнях, — тот знает, какое огромное влияние оказывали они на нашу борьбу. Чувствовалась крепкая связь рабочей массы в зрительном зале — протестарта капиталистических стран — с борьбой и победой рабочего класса первого в мире пролетарского государства; растет их творческая решимость к дальнейшим боям.

В те дни, когда я организовывал и обслуживал портативным проектором упомянутые выше ночные просмотры, я и не подозревал, что впоследствии моя работа будет тесно связана с советской кинематографией.

В то время моя работа еще не была связана с борьбой рабочего класса, а шла больше по формально эстетическому пути. Ясная, четкая критика, полученная мной от советских товарищей по своим картинам «Мост», «Дождь», «Мы — крестьяне», «Индустриальная симфония», помогла мне направить по правильному пути мою дальнейшую кинематографическую работу: по пути участия в классовой борьбе.

Работая в Межрабонфильме в тесной связи с комсомолом, я снял в Мангитгороде и Кузбассе картину «Песнь о героях». Мне была дана возможность свободного развития моих творческих сил. Буржуазная пресса работ рстачала похвалы талантам художников, но полной свободы в своем творчестве עוד lacked не имело. Всякое крупное капиталистическое кинопроизводство ограничивает работу режиссера и его творческую свободу. Это ясно видно на примере работ лучшего французского режиссера Рене Клер, которому не давали возможности работать.

После моей первой работы в Советском союзе я закончил начатую мной группную картину о Эдлерее («Новая земля»), в которой показана борьба и борьба бельгийских горнорабочих угольного района Борнажа.

Лучше, что я могу сделать к юбилею советского кино, это опять русские варианты обеих картин и в 1935 г. сделать яровой фильм на тему о революционной борьбе на Западе.

Следующий номер «Литературной газеты» будет посвящен 15-летию советской кинематографии.

Дневник Литературной газеты

10 ЯНВАРЯ

В Москве, Ленинграде, Киеве, Сталино, Челябинске, Свердловске открылись съезды советов, являющиеся гигантской демонстрацией великих побед пролетариата и его стальной партии, ведомой гением человечества, любимым вождем, другом и учителем всех трудящихся тов. Сталиным.

Во главе стальных колонн нашей страны идет столица отечества мирового пролетариата — орденоносная Москва, и город-герой, город защитников Октябрьской революции — Ленинград.

Четрые года отделяют нас от VI всеобщего съезда советов. И каких четырех годов! Это были годы всемирно-исторических побед плана Ленина — Сталина, годы героической и самоотверженной борьбы за крупную индустрию, за новую социалистическую деревню, за пролетарские кадры, за овладение новейшей техникой, за превращение нашей страны в непобедимую крепость социализма.

Гигантские, неисчислимые успехи рабочего класса не пришли сами, они были завоеваны в жестокой борьбе с кулачеством, с остатками капиталистических элементов в городе, с вредителями, с агентурой классового врага внутри партии.

Гордые ордены победы и крепко заработанные в неслыханных славных боях рабочего класса, собирались лучшие люди двух лучших областей Союза на свои съезды. Знающие люди нашей страны, лучшие металлурги и ученые, красноармейцы и директора заводов, колхозники и инженеры с высокой социалистической трибуны рассказывают всему миру о своих достижениях, делают своим, в бою и работе добытым, опытом, признают весь Союз социалистических советов к повседневному волевым знаменем большевистской партии, партии Ленина — Сталина.

Вместе со всеми трудящимися писателями, артистами, художниками, архитекторами, активно участвовавшие в предвыборной кампании и в выборах в органы, чутко прислушиваются сегодня к простым и мудрым словам большевистской правды лучших людей нашей страны, раздающимся со скамеек трибун.

Наши мысли, мысли людей науки и искусства, с предельной ясностью и четкостью формулируют старейший ученый-революционер академик А. Н. Бах. Он сказал: «При тех возможностях, которые предоставляет нам партия и правительство, при том сочувствии, которое мы встречаем со стороны трудящихся масс, наша работа должна была бы быть гораздо более производительной, чем она есть! В наше оправдание можно только сказать, что мы учимся, мы прокладываем новые пути, которые совершенно не совпадают с путями капиталистических стран. Но тем не менее, мы должны были пойти дальше и лучше использовать наши силы потому, что, чем сильнее это будет, тем меньше будет возможностей у наших врагов, и внутренних и внешних, мешать нашей работе по строительству новой жизни».

Писательский привет московскому и ленинградскому областным съездам советов!

Семья советских специализированных газет, посвященных проблемам искусства, увеличилась — начала выходить «Архитектурная газета», орган оргкомитета союза советских архитекторов СССР.

Гигантские задачи поставлены партией и рабочим классом перед архитектурным фронтом нашей страны. Ни одно поколение архитекторов мира не стояло перед такими блестящими перспективами строительного творчества. Никогда задние не имели таких исключительно благоприятных условий для полного и всестороннего расцвета архитектурной культуры, какие предоставлены нашим строителям благодаря повседневному заботам большевистской партии, тов. Сталина и тов. Нагановича, лично осуществляющих подлинно творческое, глубокое комбинированное и конкретное руководство архитектурным фронтом нашей страны. И все это потому, что сны борются за советскую социалистическую архитектуру, которая должна стать важнейшим моментом красоты в повседневной жизни социалистического общества и которая должна — по замечательной формулировке тов. Кагановича — стоять на высоком техническом и художественном уровне, выражать высокую цивилизацию.

Искренность, честность, идейность и социальную целеустремленность, величественную простоту, единство композиции, стремление в высь, дерзание.

Открытая огонь по «архитектурному наплевательству», выдвинутому к употреблению, примитивизму и обесцениванию форм («коробочная» архитектура), и по «слепому рабочему копированию» и подражанию мастерам прошлого и по эскизности, редакционности «Архитектурной газеты» в периодическом издании совершенно правильно утверждает, что несмотря на различные творческие установки всех подлинных советских архитекторов обещает одна цель и одна задача: борьба за архитектуру, соответствующую своему содержанию и образу нашей замечательной эпохе. На этой общей платформе действуют и творчески соревнуются различные направления и именно в процессе этого творческого соревнования будут найдены новые архитектурные формы, созданы произведения архитектуры, соответствующие нашей эпохе».

Исходя из задач создания советской архитектуры, достойной великой эпохи социализма, и будет строиться новая редакция новой газеты.

Выпущенные первые два номера газеты дали ряд интересных статей и материалов. Беспорядочный интерес не только архитекторов, но и широких масс читателей вызывает приложение к газете, содержащие проекты и постройки новых зданий.

«Архитектурная газета» (так же, как и всему архитектурному фронту) много дало, но с нее и много спросится. Особенно ответственные задачи газеты в связи с подготовкой к всеобщему съезду советских архитекторов. Будем надеяться, что газета оправдает надежды, успешно справится с своими огромными задачами и станет подлинным вожаком и организатором в борьбе за архитектуру социализма.

Редакция «Литературной газеты» от имени отряда «инженеров человеческих душ» советского писательства горячо приветствует новую организацию в борьбе за искусство социалистического реализма.

«От художества до фашива расстояние — скорее воробьиного поса — писал А. М. Горький в статье «Фил-

тературных забав», посвященной в значительной части правам литературной среды, тому, что «врапы у нас — это говоря — шлохте».

Сигнал А. М. Горьким был дан более чем своевременно и в это статье, а также в последующих статьях, являющихся ряд боевыми действиями литературного фронта, особенно в среде молодежи. Однако, то самые дяди, и которые сияния Горького был обращен в первую очередь, не сделали из него необходимых выводов, хотя в показании с их стороны недостатка не было. На деле же они продолжали хулиганить и культивировать богему. Вместо того, чтобы начать по-настоящему работать над собой, установить прочные связи с пролетарским коллективом и лучшими людьми литературной общественности, они все свое время продолжали тратить на сомнительные развлечения в сомнительном «обществе».

Советская литературная общественность не может терпеть в своей среде хулиганства, политический смысл которого совершенно очевиден. «Хулиган — союзник и пособник классовых врагов» («Комсомольская правда»).

Именно классовому врагу, врагу трудящихся науку раздвоенческие боевые восприятия, разрушительное пролетарского порядка, культивирующее отвратительные буржуазные бытовые наклонности. (См. постановление секретариата правления ЦСП о П. Васильеве).

Со всем этим мы обязаны и будем вести решительную борьбу. Естественно, она не может быть только административной. Обязанность каждого честного советского литератора беспристрастно высказывать художественно, а не молчаливо пропускать его, как это, подчас, имеет место со стороны некоторых писателей. Нужно уделить воспитательную работу с литературной молодежью, поднимать ее на такую высоту, чтобы всякое проявление хулиганства воспринималось как предательство и ретивый отпор со стороны всей литературной молодежи.

РАБОТНИКАМ СОВЕТСКОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ

Советские писатели приветствуют своих соратников по фронту искусств — работников советской кинематографии — в день их славного юбилея. Наши режиссеры, операторы, сценаристы, актеры за эти 15 лет утвердили кинематографию как искусство, ибо создавали произведения идейно и художественно неизмеримо более высокие, чем произведения буржуазного кино.

Мы гордимся вашими победами, известными десяткам миллионов наших зрителей. Мы знаем, как восторг жено встречают наши фильмы пролетарии Запада и Востока, когда этим фильмам удается прорвать барьеры буржуазной цензуры. Многие из нас уже участвуют в создании кинокартин, работая над киносценариями. Мы обещаем вам мобилизовать все наше умение и способности для того, чтобы создать достойные вашего мастерства произведения.

Руководимые одной великой партией и ее славным вождем — СТАЛИНЫМ, мы будем бороться за социалистическое обновление мира, стремимся к тому, чтобы великие идеи МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА — СТАЛИНА нашли свое выражение в художественных образах наших произведений.

ПРАВЛЕНИЕ ЦСП СССР.

НОВАЯ СТРАНА

Речь тов. А. БЕЗЫМЕНСКОГО на вечорнем заседании Московского областного съезда советов 9 января

В одном из замечательных произведений гениального пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького, «Городок Окуров», местный философ Титов говорит следующие слова: «Что же она, Россия? Государство она беспрестанно уезжает. Почитай-ка губерний городов — десятка три-четыре. А уездных — тысячи, полка. Тут тебе и Россия».

В этих словах заключалась неприкрашенная, страшная, но точная правда нашего прошлого.

Уездной была Россия, уездной была в России даже и столицная жизнь.

Те места, которые ехают теперь в нашу Московскую область, ничем не выделялись из общего фона уездной России.

Если мы поставим в ряд клочки, давнишние раньше места отдельных районов нашей области, то перед нами встанет другое доказательство страшной правды нашего прошлого.

У нас, товарищи, в Московской области были: рязанцы — косопузые или лапотники, теврики — козы, казюжские — тесомесы, тулики — самоварники, москвичи — кашани, саровцы — саломатники, голдаевцы — побирушники, развозцы — побирушники, или, иначе, серопуны. (Смех).

Уездная была Россия, уездной была и наша Московская область.

Но вот вчера и сегодня на трибуну этого съезда выходит люди — бывшие косопузые, бывшие толстоштыбы, бывшие серопуны — и рассказывают, как люди социалистической страны, о замечательных вещах, которые можно глазами увидеть, руками прощупать, не только большевистским сердцем почувствовать.

Выходит бывшие косопузые лапотники, теперь люди и бойцы Страны советов, и приносят нам: ефремовцы — научук, казузане — мотовозы, подольские — электроны, рязанцы — шеницу, саравцы — чай. (Аплодисменты).

Да что там! Я, как делегат Калужского района, сообщаю вам, что в нем уже много посажено мичуринского винограда и вся делегация уверена, что 4-й Съезд Советов мы сможем потчевать отборным калужским виноградом. (Аплодисменты).

Одним из хозяйств нашей области. В прежней Смердыни, самое имя которой напоминает о былой нищете, в прежней Смердыни, ныне в Лесном районе, открыто 65 шкод, 4 библиотек, 3 кинопередвижки, 14 изб-читален, 50 красных уголков, 103 стенок, 130 радиоточек. На деревню 2-3 неграмотных, а раньше грамотного не увидишь. Газета на каждый двор, а раньше была одна газета на всю деревню.

Наконец, в тех Балдасах, самое имя которых напоминает стократно о нашей былой некультурности, открыт (тов. Калинин, ты слышишь?), открыт родильный дом, где только будет наших сынов и женам рождать комму-

Издр из фильма «Мать». Режиссер В. Пудовкин.

ОБРЕЧЕННЫЕ «КАУЧЕРО»

Трудно в нескольких строках дать представление о стране, если даже эта страна маленькая, центральная-американская республика. Эта задача тем труднее, что географическая оторванность, климатические особенности и своеобразная экономика этих стран создали здесь условия необычайной живучести ряда таких социальных пережитков, которых не осталось больше нигде. Сложная мозаика из всех исторических напластований, начиная от средневековой и кончая современностью, накладывает на эти страны такую печать невероятной строгости, сообщает их облику такую необычайную ритмику, что «спросившему иностранцу» кажется, будто то он попал на какую-то нарочито удачную оперетту. Но «спросившие иностранцы» никогда ничего не умеют видеть ни у себя, ни у чужих. За внешней карикатурностью центрально-американской «живучести» скрывается внутренняя убогость, ряды великих исторических трагедий — трагедия расы, трагедия нации, трагедия женщины, трагедия труда. Эта трагедия универсальна и общечеловечна, но в каждой стране она, все-таки, проследить можно. О том, как происходит она в Центральной Америке, о том, как происходит она в Колумбии, почти ничего неизвестно. Сам Колумбийский об этом редко умеет рассказать. «Негры» и «индейцы» здесь не знают искусства письма, а колумбийская интеллигенция еще усердно пережевывает классическую жвачку или беспомощно подражает худосочным европеоидно-американцам.

На этом фоне «Пучина», прекрасная книга Хосе Отасио Риверы, — совершенно исключительное явление. Непривычная для последней страны с провинциальной интеллигенцией, которая сообщает ей лирический строй подлинной и возмужавшей поэмы, эта повесть в то же время — правдивый, яркий и жуткий документ об одном из крошечных кусочков нашей эпохи. Печаль нахлынувшего капитализма дупит не только индустриальных гигантов промышленных стран. В ней задыхается и могучая вечно зеленая чаща сахарной и ботанической южноамериканской сельвы.

«Пучина» Риверы — книга о сельве об этих необоримых и величественных южноамериканских джунглях, которые с незапамятных времен затопили беспредельный простор амазонских равнин. На пять тысяч километров непрерывно тянется местами великая сельва. Перед ступившей силой ее фантастических зарослей была великая бессильная старая цивилизация, и сельва до сих пор остается самой недотронутой и неизвестной областью земного шара.

«Садическая и левостепенная», — пишет Ривера, — она запечатлела душу человека галапагосцев (близкая гибель). Она «превращает человеческие нервы в пучок канатов, надрывающих для нападения, предательства и убийства». Человеческие чувства меляют свое назначение: глаза ослепают, спина начинает видеть, нога неслучайно топчет, нога расщепляется и кровь истосунуло кричит: бежим! бежим! Но бежать некуда, бежать нельзя. И ничто не может сравниться с мукой навсегда оставаться пленником в «стакане тюрьмы, как сельва, где всецело своды вместо стел опираются на гигантские корни». Как крути дьявольского ада от ступившей Аракия, так далека настоящая сельва от какой бы то ни было цивилизации, и, в том числе, от цивилизации джунглей, названной Киплингом.

И в этот не выдуманный, а действительно существующий ад «бесстрастные и равнодушные магматы» капитала бросают людей на «медленную смерть от лихорадки и голода среди пняков и муравьев». Королям каучука нужны для сельвы «каучеро», собирающие белого волога. Обманом и насилием они доставляют в сельву людей, которым не суждено больше оттуда вернуться, потому что на них делают там «каучеро».

«Пучина» Риверы — книга о «каучеро». И, странная за странней, Ривера развертывает перед читателем такое потрясающее полотно человеческого бесправия и страдания, что оно может показаться невероятным и неправдоподобным. От некоторых сцен в «Пучине» физически больно, и порой от книги отшатываешься, как от удара. Таковы сцены глумливого и издевательского убийства младенцев на глазах у матерей или страшного феерического убийства бездомного и живым зажженных людей. И этот бред — бред, а преступная и позорная правда. В Бразилии и Перу, в Колумбии и Венесуэле о ней не знают только те, кто не хочет об этом знать. «Парламентские» министры и «демократические» правы

К ДИСКУССИИ ОБ ОБРАЗЕ

Рис. А. Каневского

«Утти, как известно, глядя на подпрыгивающую крышку на кипящем чайнике, ухватился за него паровой машины, Ньютон по упавшему яблоку» и т. д.

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ.

тельства предпочитают об этой правде молчать. Мужественная книга Риверы звучит поэтому, как яростная печеночная проломная филарма «на выпавшем». Как в мощный рупор, на джунгли «Пучины», со дня соизволения голоса «каучеро»:

«Глубоким рубцом опоясываясь собою, чтобы в шапку встало его трагическое рыдание, и в это время туча молотков, которая его выщипывала, сосет мою кровь и деснами испаряя туманом мой глаза. И мы об дерево и, по-разному терзаясь, плачем перед смертью». Что из того, что наши вены призрачают к соку деревьев? Надсмотрщик трезуб соку железных десяти лет, и плет — росточки, который не знает помыла. И что из того, что мой сосед... умирает от лихорадки? Я вижу его уже простертым в опаснейшей листве и отбывающимся от мясных джун, которые мешают его агонии. Застря у ужогу на этих мест, разбитый водкой. Но я укряду у него реаниму, которую он добыл, и это уменьшит мой урок. Когда я умру, кто-то другой сделает то же со мной. Я никогда не крал для моих стариков, но сколько смогу буду красть для моих козлей».

Безумная мука жестокой и меланхолической жизни, которой является жизнь «каучеро», приводит их к безмерному отчаянию. Но в этом отчаянии слышатся уже в громоподобных нарастающих матах. «Почему не зарежет вас сельва и не раздавит вас, как гадюк, чтобы отомстить за подлую эксплуатацию?! Я хочу кого-нибудь с кем я мог бы вступить в заговор! О, если бы Сатана управлял этим заговором! Я бы каучеро, я есть каучеро. И то, что рука моя продела над деревом, я могу проделать и над людьми!».

Рядом с огромной темой о сельве и каучеро почти незаметно остается сама фабула «Пучины». История любви и гибели ее героя, интересная как иллюстрация колумбийских нравов, в отношении его переживания и психологии, довольно обыкновенная история в от других только же исторический материал. Но эта фабула, которая описывается в романе, не имеет никакого отношения к сельве. И в этом отношении сельва уже в громоподобных нарастающих матах. «Почему не зарежет вас сельва и не раздавит вас, как гадюк, чтобы отомстить за подлую эксплуатацию?! Я хочу кого-нибудь с кем я мог бы вступить в заговор! О, если бы Сатана управлял этим заговором! Я бы каучеро, я есть каучеро. И то, что рука моя продела над деревом, я могу проделать и над людьми!».

А. МОВШОВИЧ.

даже удивительной легкостью и безыскусственностью Ривера нашел для нужных образов, красок и слов. Но стоит прислушаться к его простой, но страстной, судорожно прерывающейся и с трудом сдерживаемой речи, чтобы понять, что она течет из пламенного, невыносимого боли пережитого сердца и как туча молотков в ташелом раздумьи направляет его выщипывала, сосет мою кровь и деснами испаряя туманом мой глаза. И мы об дерево и, по-разному терзаясь, плачем перед смертью. Что из того, что наши вены призрачают к соку деревьев? Надсмотрщик трезуб соку железных десяти лет, и плет — росточки, который не знает помыла. И что из того, что мой сосед... умирает от лихорадки? Я вижу его уже простертым в опаснейшей листве и отбывающимся от мясных джун, которые мешают его агонии. Застря у ужогу на этих мест, разбитый водкой. Но я укряду у него реаниму, которую он добыл, и это уменьшит мой урок. Когда я умру, кто-то другой сделает то же со мной. Я никогда не крал для моих стариков, но сколько смогу буду красть для моих козлей».

Безумная мука жестокой и меланхолической жизни, которой является жизнь «каучеро», приводит их к безмерному отчаянию. Но в этом отчаянии слышатся уже в громоподобных нарастающих матах. «Почему не зарежет вас сельва и не раздавит вас, как гадюк, чтобы отомстить за подлую эксплуатацию?! Я хочу кого-нибудь с кем я мог бы вступить в заговор! О, если бы Сатана управлял этим заговором! Я бы каучеро, я есть каучеро. И то, что рука моя продела над деревом, я могу проделать и над людьми!».

Рядом с огромной темой о сельве и каучеро почти незаметно остается сама фабула «Пучины». История любви и гибели ее героя, интересная как иллюстрация колумбийских нравов, в отношении его переживания и психологии, довольно обыкновенная история в от других только же исторический материал. Но эта фабула, которая описывается в романе, не имеет никакого отношения к сельве. И в этом отношении сельва уже в громоподобных нарастающих матах. «Почему не зарежет вас сельва и не раздавит вас, как гадюк, чтобы отомстить за подлую эксплуатацию?! Я хочу кого-нибудь с кем я мог бы вступить в заговор! О, если бы Сатана управлял этим заговором! Я бы каучеро, я есть каучеро. И то, что рука моя продела над деревом, я могу проделать и над людьми!».

А. МОВШОВИЧ.

4 ДИСКУССИИ ОБ ОБРАЗЕ

Рис. А. Каневского

«Лучшее руководство, которое нашлось по данному вопросу, — «Лени и Эйве о шахматной игре».

МАРИТТА ШАГИНИН.

«Поговорим о „МОЛОДЫХ“»

А. АДАЛИС

Это было страшно давно. Два или три года назад, в прекрасном весеннем деле коша апреля, я проходила по бульвару с одним из своих коллег — поэтов, и коллеги восторженно говорили:

«Решение ЦК поставит наконец на место все оравно работавших! Нет, подбучки, покаяние даже тонкой Помялушта, будь себе козлом страны, лектором и прочая и прочая не покаяние здесь не при чем. Хватит Днепроостров, и приводных ремней и первых мая! Здесь жив Вруст в Жеруду. Вход в галашню воспрещается Поэзия — поэтам!»

Скажем прямо — не он один воспринял под таким углом зрения арельское постановление ЦК. Существовал ряд наивных поэтов, уже упомянутых, принимавших идеологию и политический конюшок к своему существованию аполитичным и бездушным стихам; существовал другой ряд — молчаливый из страха перед рапполовой критикой — книжники, любители тончайших ощущений, мироустроители. Но и другие приняли постановление ЦК как индустриальное, как некое «отупление» искусства от идеологического содержания.

Писатели-лейды, еще неодолено до того жаром улавливая Сухаротрест Центрогроз, Мосшамы. Эубанетфэ заглядывали в книги договоров на поставку сугубо идейных романов живописующих действительность старинных буржуа и нефтяников, манящих журноков на эти договоры; достали из пыльных нор помеченных стихов конюшники и открыли свои заветные «настоишки» произведений вилком-муку совмещавших «только для себя» и «для посвященных». Молодые и начинающие членившиеся поклонники Веземеского, быстро-быстро переключались под влиянием Пастернака и Оледи.

Скажем прямо — и старые рапполовы долго не хотели славить свои понятия, лемаголической воли о мраке безысходности, в который якобы скатываются ослепшее искусство, и мешая просторней. Они представляли себе литературу на ближайшем этапе как некий единый поток, предельно освобожденный от влияния боевых законов классовых борьбы и подлинный лишь формальный, некоторым стилист. По существу, некоторые из них познали историческое по-

становление ЦК так же ложно, как понимали его безалаберные формалисты и эстетствующая.

Но большевикская настойчивость вошла в поговорку. Агрельское постановление блестяще оправдало себя. Гражданская и творческая гордость не могла не вывести советских писателей на правдивый и мужской путь. Освобожденные от «страха рапполовского», они дали, вместо ожидавшихся некоторых «капельных» опусов, ряд политически полноценных произведений. А мастера, под чье крыло оточивала, в надежде на отход от идеологии, неустоявшая молодежь — «неожиданно» изменили свои позиции, «свободного художества» и начали становиться подлинно советскими мастерами!

В кулуарах Всесоюзного съезда писателей еще раз пыталась воскреснуть в измененной редакции вышедшая фраза: «Хватит приволять, помилуйте!».

Теперь она звучала приблизительно так: «Предвидится мода на чистоту, беспрепятственно лирику, на искусство для искусства».

Редкие, как зубры, аполитичные «литературной чистоты» основывались на плохом понятии и ложно переложившем докладе т. Бухарина. Не стоило бы труда вспоминать об этом. Статьи м. устных высказываниях, заметках новейших произведений, хранящихся уже в портфеле индустриальных и коллективных планах — всей своей творческой и общественной работой наши лучшие писатели доказывали полное понимание стоящих перед ними огромных исторических задач. По-новому, удивительно разрабатываются темы первичного общественного значения; по-новому четко и умно собираются, осмысливаются и формулируются материалы. Показателен пример творчества поэта, живящего всеми средствами тончайшего искусства, юмора, искусного восточного и драматического воображения — таша, цель, которую поставили перед собой писатели, соразмерные и выходящие за пределы.

Но есть область, где приходится поныне наталкиваться на продолжение спора между двумя понятиями искусства — между понятием утиля-

таристическим, но естественно созвучным в конце концов и подлинное и полноценное понимание, и другим — по-прежнему ложным и обреченным, — последнее сводится к признанию некоей «чистой поэзии», выходящей от действительности содержания. Подобная вторая установка малочисленной и, как ни парадоксально это звучит, формально слабой.

Наш литературный молодежь вращается рабочими кружками, студенческими, профсоюзными, газетными и журнальными консультациями. И все же следует признать, что наша молодежь поэзия еще далека от равновесия и нерасчлененности лагеря, причем лучше из имеющихся у нас произведений литературы молодежи это, разумеется, та, в которой авторам удается односторонне и в идею полную полноту и в освоение технического мастерства. Будем ли мы говорить об уже далеком не заложен и печатающемся от отдельных выделений Гитовича или о всеобщем молотом Б. Кежуня, мы обнаружим политическую и полчас аполитическую тематику и, наряду с ней, определенное к подлинно поэтическому строению образов и речи. То же самое мы видим и у ряда столь разнородных по творческим установкам и творческому возрасту поэтов, как Шевцов, Борис Ручьев, Сидоренко, П. Панченко, Дмитрий Борисов и др. В этой идейной оторванности молодых поэтов, далеких друг от друга и творчески и территориально, отключить нет «групповщины», но только вредной, но и просто невозможной в социалитических условиях развития искусства; укажем эту оторванность лишь на идею общности и сплоченности класса, выдвигающую все новые и новые творческие силы из своих рядов.

Несколько тем, совершенно по-разному поданных и освещенных, проходят и переключаются в стихах Гитовича и Панченко, Борисова и Кежуня: это тема, если можно так выразиться, работы бесострастия, опущенности, почти физической кажущейся полноты, затем тема рабочей дружбы и тема радости узнавания мира «в темной радужной квартире».

А на животу площадь

Уже в «важак» другой...
Но, как и тот, откинул ося.
По вечерам работал он.

И тот же стол служил ему,
Лежал вени под рукой...
Упрощенно и с несколько претенциозной прямотой говорит Гитович.

У Панченко, с его упорным и полчас односторонним стремлением к космическому, это же звучит философски законченной, интересней, но в метафорическом реализмическом манере.

Об особой трудовой дружбе, о крутой порке строительного мира говорит еще наивным, но уже яркими словами, тепло и восторженно, Д. Борисов в журнале «Знамя».

Дружба, победоносная и ревностная и любовь, в ее старом понимании, и товарищеская распря, и обиды — в стихах Борисова Ручьева, напечатанных в 6-м номере «Красной нить» за 1934 г. Здесь стихотворные строки еще неуклюжи, ритмический рисунок еще обильный, но в восторженном читателе, но тема повернула свежо и остро.

В просторной жизни, о путешествиях об Африке, о зоркой чужих материков пишет Кежуня — при этом отнюдь не под влиянием гумилевских реминисценций: пишет с точки зрения молодого рабочего парня, гудящего в Зоологическом саду. Гитович четким и ловким стихом «под классическое» улетучено рассказывает в разделе «Артипол» книги стихов за 1934 г. о своем вхождении в жизнь и военную учебу артиллерийского дивизиона, и в этой же книге, но в менее удачных формально стихах — «самом военном в мире» — географическом факультете.

В беседе и в простоте упрямить наш молодежь нельзя. Чаще он еще не справляется технически с большой и социально интересной темой. Так не справился Ручьев в книге «Вторая ролина» с темой оттопления, союзники лав, перестроившегося на Магните лесовосстановления. Это — одна из глубочайших психологически тем нашей действительности, исторически переключившаяся еще с темами странничества, нехватки техники, бонити земель. От колхозов Молодого Белозерья через добывчиков дилетного робота, от бутарской сказки через самое прозаическое отношение к совместной жизни строителя мира — до будущей истории этой исконно российской, по-новому осмысливаемой темы.

Газетные, мало эмоциональные строки Ручьева, бедные поэтически-

О „ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ“

Может ли коммунист ревновать? Какое место должна занимать так называемая «личная жизнь» в коммуниста? Эти далеко не новые «коммунист» ставятся в комедии В. Соловьева «Личная жизнь».

Основной мотив комедии: «Да здравствует личная жизнь!» Он звучит во всех коллизиях, которые разворачиваются в пьесе.

«Как бы ни жали мы — жизнь должна быть личной, для того, чтобы мы полюбили ее».

К этому выводу приходят основные герои пьесы.

Лена — секретарь парткома, вышедшая как положительный тип, умело сочетающая работу и личную жизнь. Но образ Лены все же лишен цельности и глубины.

Поэт В. Соловьев ухитрился сделать своей «положительной героинею» немало грубых, пошлых и трюковых. Нет нужды вопрошать, ее дискуссионный Строев имеет того, в который раз после первого знакомства не трудно отгадать мужчине.

Как антипод Лены выведен директор фабрики Юзов — тип коммуниста, преисполненного «личной жизнью». И вот расплата: он терпит жесточайшее крушение. Мы видим Юзова в начале пьесы спокойным, уверенным, пожалуй, даже самолюбивым. Он много работает, дня и ночи проводит на фабрике, забывая семью («слы много, никак не заняться семьей»).

Но вот с Юзова срывается покров. Его выводит из равновесия беспристрастный инженер Строев, молодой талантливый изобретатель. Строев задается целью проверить, способен ли коммунист Юзов «любить, ревновать, ненавидеть».

В тот самый вечер, когда назначено испытание его модели, Строев идет на свидание с женой Юзова Строева нет на испытании модели.

Юзов в волнении прибегает домой и неожиданно видит плиту Строева, который спрятался в спальню, чтобы вызвать у Юзова сплунт ревности (суждено ли говорить, насколько все это комбинация искусственна и фальшива?).

Но Юзов занят только мыслью об испытании новой модели, никакой сплунт ревности не получает.

Лишь поздно ночью, когда испытание машины закончено, коробка дорогих папирос, оставленная Строевым, оказывается той альфонсовской коркой, на которой попользовался Юзов. Разражается буря. Дилкая сцена. Юзов выгоняет жену.

И вот тут-то возвращается настоящая личная жизнь Юзова. Оказывается, что Юзов свою работу воспринимал не как простую и суровую долг каждого члена партии обязательное самозабвение работать, а как некую «жесткую», которую он приписывает партии.

Юзов сейчас горко раскаивается в этих своих «жестках».

Он истерически вопиет: «Все, чем вы живете, чем вы обеспокоены, все отдай! Все личную жизнь — как кусок Печенки!»

Юзов собирается отделиться. Но в этот момент приходит член парткома Вася. Юзов жалуетсь ему: «Я помертвевал все — штаны и жену!»

Вася говорит, чтобы развить Юзову всю несуровость и непартийность его постановки вопроса, Вася по существу с ним соглашается: «Да, портки отдавай. И ты это не перьями».

Потому человек, поймаешь, так.

А партия — она, как и всегда, без перья.

Не принимает портков.

Вася развивает Юзову своеобразную теорию «сапорового зтопана».

Он утти Юзова, как надо «сшить с партией», чтобы не забывать и себя. Не так, как делала его Полина, которая отдавала все, а делить по-

полам: половину партия, половину для себя лично.

Такая философия весьма удобна для людей, которые рассуждают: «Я отработал положенное время, а остальное — мое личное дело, оставшееся для души».

Примерно так и поступает секретарь парткома Лена, ухаживая автора красотой своих волос и элегантностью костюма. Она зло высмеивает тех коммунистов, которые отказываются от сегодняшней личной жизни.

«...от сегодняшней личной жизни Во славу каких-то далеких дней».

Это крылатое выражение элегантной секретарши парткома — «во славу каких-то далеких дней!» — слы-

по прошедрела!». Совершенно не ожидала для самого себя, вместо конструкции стана, он в течение дня (какой-то эпохальный оракул) изобретает какую-то необыкновенную «машину», которая сразу на шерсть делает сукно и которую «легко перенести отраслей в пашу».

Инженер Строев не просто олицетворение, он гордится и щеголяет своей аполитичностью и пренебрежением к революции. Вот его «декларация» Лене: «Я люблю позу. Жест начал и жест конца. А им нужно, чтобы я политический позунг... простите, простите, лица».

К ДИСКУССИИ ОБ ОБРАЗЕ

Рис. А. Каневского

«Я знаю, как устроил автомобильный мотор, но одеть его не умею».

БОРИС ПИЛЬНЯК.

по лучшему проектору освещает необходимость существования комедии «Личная жизнь». С каких это пор в наших пьесах стало столько так называемых «перспектив нашей дальнейшей борьбы за коммунизм»?

Вторая проблема, поставленная в пьесе «Личная жизнь», — коллизия «личности» и «личности». Постановка этих проблем в пьесе получила по меньшей мере индустриальную и спорную (как это уже отмечалось в печати («Правда», 5 июля 1934 г.).

В комедии «Личная жизнь» идет соревнование нарочито бездарной комсомольской бригады с гениальной одиночкой — безпартийным Строевым.

Комсомольцы выведены в пьесе как «намерянные сынки» которых безудержно покровительствует директор — коммунист Юзов. Легко шута комсомольцы получают все в лаборатории, и заграничные комитеты комсомольцы платят по кабакам, устраивая «безумные ночи».

Лишенный всего, бесстрашный инженер Строев, работая в тяжелых условиях (директор Юзов отказал ему даже в лаборатории) все же по-прежнему комсомольцев.

Вряд ли есть необходимость доказывать, насколько порочно само это противопоставление: на одной стороне бездарная комсомольская бригада, на другой — талантливый, отвергнутый всеми безпартийный инженер.

Но Строев — подлинный «куонец своего счастья». Он необычайно, гениально талантлив. По заказу текстильного треста Строев начал конструировать текстильный станок (хотели сказать не зная текстиль-

Кому это «не»? — возникает вопрос у зрителя.

На комедии «Личная жизнь» не стоило бы подробно останавливаться, если бы в ней не преобладали тенденции «мелочливости и буржуазной пошлости прозаически выходящих из ряда в ряд участках нашей культуры фронта». Эти тенденции «мелочливости и буржуазности» понимания «личной жизни» («Личная жизнь» писались в «оде» статей в последние времена).

Нал «личная жизнь» времени «ожиданий кутков». До такого с позволения сказать «доушки» тождественности «жизни» в связи со сплунтом на «красную жизнь». Какое им дело до того что с «кожаной курткой» связанная в известной мере героика гражданской войны! Они не такие литераторы, договорились даже до того, что театр, мол, больше не может «сподвигать людей в производстве «идеи» в «кожаной куртке», если его зритель «сприхотит» летним горло, со вкусом, если он хочет ослепнуть если он думает о цветах о красивых вещах».

Нал олянок дорожа и грубая провала которую с таким гордым достоинством поют комсомольцы. Метрострой и их правдивые, измученные платя.

Мы за то чтобы освещать вопросы личной жизни, любви, чтобы бычачать и вымещать пережитые старости в сознании и в быту. Мы за то, чтобы показывать тип коммуниста во всем его многообразии. Но не так, как показаны партийцы и комсомольцы в пьесе «Личная жизнь».

З. СЕРГЕЕВА.

«Кеды» и «белые шестиперья» — все вилкое глубоководное «сно» вилкое жизни». Ю. Нейман ищет истинный характер — и только непривычная наша к этой породе пороки может вычитать в них какую-то сомнительную прелесть. Мистическая поэзия интонации литературы Источником для доброго рода творчества могут служить не только доброты и бунтарские адепты «Скорпиона» или «Восов», но только плохо усвоенные переводы заграничных символов, но даже более поздние забытые вальдыши отпрысков буржуазии.

Так же старым и философским Лаврова, предостережение неуклюжее и пошлостью второстепенным, но зато редко употребительным у нас свободным стихом. Глубинные эти настроения, микроскопических травянок и световых бликов, нарочито маргосложение плоскостных и эскизных образов отдают «мажорным» давнего периода литературных кафе. Из более почетных предшественников можно назвать немецких экспрессионистов, принятых Лавровым как готовый стилистый штамп.

На страницах журналов и даже газет кедорские стихи безыдейного типа, принадлежат к пошлым и начинающим авторам, ставлять их, очевидно, считается доказательством художественного вкуса, а главное архаичности и вычужденности мастера Лаврова потому что заданная стихия перед Лавровым, трудней экономично передать законы строения цвета трудней, чем экономично передать его приятный запах.

«И вешь, как лев, на землю валото молчаливо» и «...Стоит овер черного стилистой» (Юлия Нейман «Кр. новь», кн. 9-я 1934 г.) — вот стихи, кажущиеся архаичными и мастерскими. На деле же это легковесные стихи.

Эфемерные, резко индивидуальная ограниченность случайных настроений, подробное описательство личных психо-физиологических состояний, гуманическое высказывание вальдыши, — все то, что заглядывает в прошлое столетия наивными «свидетельствами души», все это требует минимальных затрат воображительных средств, чтобы внешне казаться необычайно своеобразным.

Ушная эроичность «волос, на голове расплакающийся» колодное альфонсовское зубоскальство не имеет ничего общего с понятием плодородия юмора или высокой проны. Нет в этих стихах и прелесть пародии потому что пародийность не беспредельна. Так же как и левосторонне более талантливый и левосторонне стих Заволоцкого, эти стихи, рожденные бездумным сплунтом бездельного, беспомощного и заштытого соглядатая жизни.

Неумелое культурничество, доверчивое увлечение юмором и чужим качеством — вот чем обусловлено хотя и небольшой спрос на шутные по содержанию и суррогатные по форме литературные выноски. Это увлечение той же породой, что и страсть к третьестепенным заграничным дилеммам и сквернейшим патефонным пластинкам.

Наше и вульгарное-наивное стремление к красивой живде, сводящееся к фотостру, диспуту о космополитической прозе и сама проза как таковая; молное нытье хождение в бумажном за покуркой «на весь комсомол» нестойкого книжного бархата проле старому «Солнца Россия», «сторговские» мечты, «сторговские» стихи, — все это явления одного порядка. Они происходят от поверхностного овладения культурой, от научения интересом организовать учебу, от того, что в подлинном коммунистическом уровне страны не вынуждена еще на полную высоту, не переведена в новое качество массово-политическая молодежная работа. А вкуче — подлинно-советская хорошая вкуче — и большинства нашей переделывающей молодежи есть.

Как принимает, например, немалая часть развитых рабочих ребят фальш «Веселые ребята»? Смеются меньше, чем можно было ожидать, не злосторговчат вкуче, что техническому мастерству ремесленников вполне отдают должное. — «Нало так же искусство сделать настоящую советскую комедию» — говорит зритель.

Творческие силы нашей страны тверды в своем революционном понимании всех явлений мира. Молодые поэты и писатели должны помнить, что нам еще предстоит бой за новое качество нашей литературы — за ее идейную остроту. Только идейно целеустремленному искусству история окажет честь принять его как вид оружия в великой борьбе.

ОСВОЕНИЕ ТАЛАНТОВ

Когда, как, почему началось это, пока обратиться на себя внимание всей страны?

Комсомольские работники, ходившие по квартирам и в рабочих кварталах, не раз замечали на стенах аккуратно вставленные в рамы картины. Они явно не принадлежали к той жалкой мажоре, которая покупается на базаре и изобразает неписуемой красоты даму, катающуюся в лодке на фоне роскошного замка, либо тигра, притворяющегося к прыжку. Весьма часто везли они следы полной неопытности художника, но все же это были настоящие картины, шло подлинное творческое горение, любовь художника к своему делу и напряженный труд. Это были пейзажи, портреты, жанровые сцены. Это были нежные наброски карандашом, написанные маслом, тисненые, сложенные композиции... На вопрос, чьи кисти они принадлежат, обладатель картин, комнаты, смущенно улыбался. Он сам написал их. А если не он, то его брат, жена, сын, шуршачий мальчишка — как раз через полчаса должен вернуться из школы...

Естественно, возникла мысль собрать все эти картины и показать их широкому зрителю.

Вот тут мы просим внимания. Мы хотим проследить биографию этой мысли. Что случилось, собственно? Два-три руководящих комсомольских работника Шелковского района решили, что хорошо бы организовать выставку картин. Факт, вполне возможно, случайный. Может быть, первый из них с детства мечтал о призвании живописца. Может быть, второй — мечтал в душе. Может быть, третий по дружбе поддерживал их. Везде, во все времена были неосуществившиеся художники, мечтавшие и верные друзья. Кривчать ура нет пока никаких оснований.

Но поскольку мы ринулись проследить биографию мысли, посмотрим, что случилось с ней дальше.

Во-первых, разошлись оба по комсомольским головам всего района. Если допустить, что раньше нехватало их соответствующей температуры, сейчас, то теперь прибрала она тот высокий накал, который измеряется только специальной аппаратурой, употребленной в лабораторию этого искусства. Она стала любимым делом равного комсомольца, и десятки комсомольцев завывали о своем желании любым образом способствовать ее осуществлению: ходить по рабочим

квартирам и отбирать картины; ездить по колхозам с той же целью; а если понадобится перетаскивать картины или, может быть, забирать картины, то не отказываться и от этого...

Далее на сцену выступила местная печать. Появились специальные номера газет с заголовками патристическими и боевыми. Их прочитав тысячи, десятки тысяч людей, и тогда мысль, биография которой пасмурно, нашла свое место в ряду других значительных мыслей, составивших содержание каждого светского дня; она приобрела убедительность, широту и всеобщее распространение.

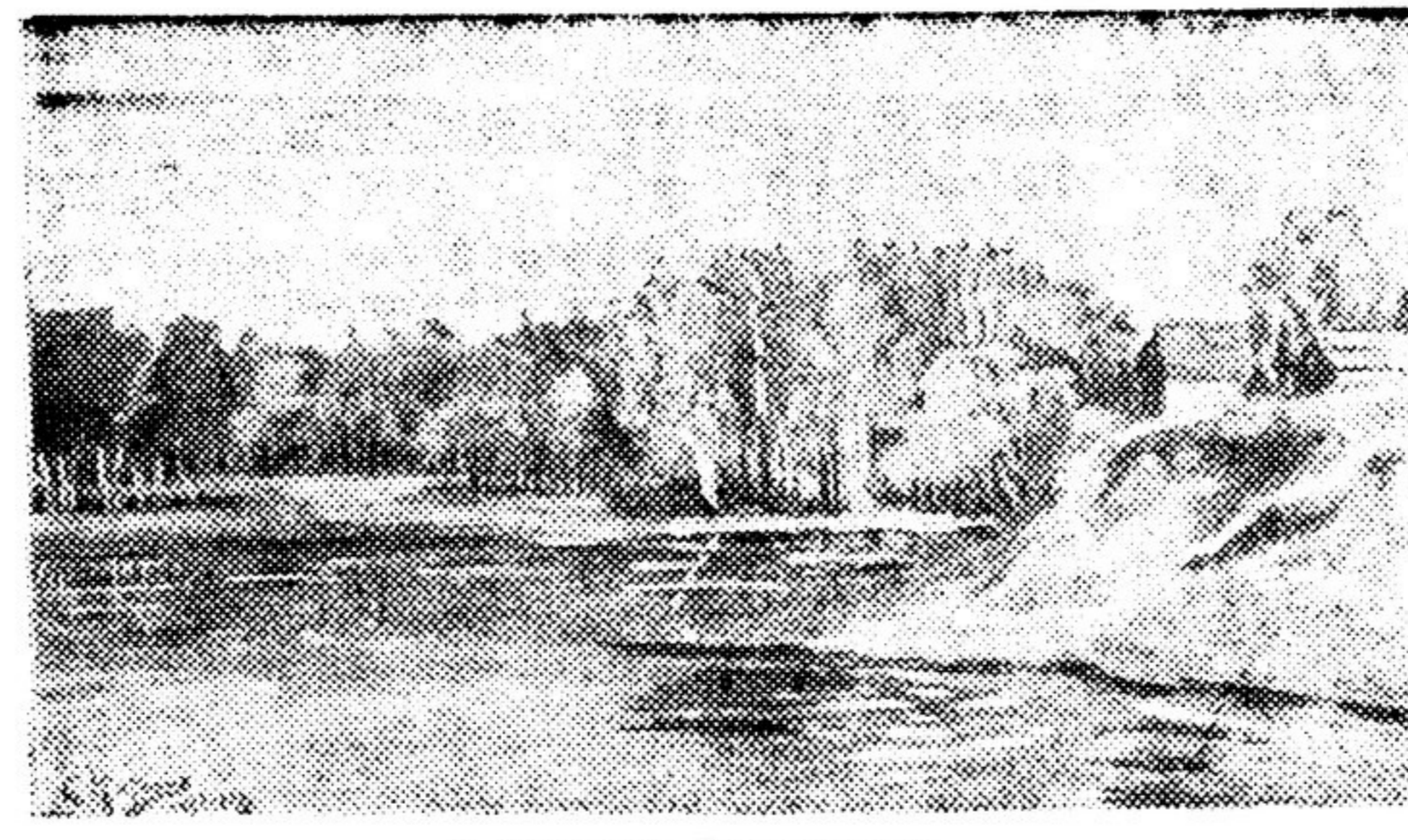
Не захотело остаться в стороне и районное руководство. Здесь мысль приобрела вес, конкретность, — все требовало для того, чтобы стать событием.

Говорит, любя биография интересна трудностями и историей преодоления их. Если так, то биография этой мысли не представляет никакого интереса. Те, кому впервые пришла она в голову, могли удивляться только, с какой быстротой росло и мужало их детище, окруженное всеобщим интересом, энтузиазмом, поддержкой и помощью.

Далее начинаются цифры. Организаторы рассчитывали набрать сотни, от силы другую, картин. Но в городском театре, куда назначено было споспешить картины, в первые же дни набежали их более пятисот. Картины приносили из самых отдаленных уголков района, приносили едва ли не пачками. Картины приносили молодые, почти мальчишки, и просто мальчишки, а также очень старые люди. Картины приносили рабочие, колхозники, учащиеся, были среди художников и женщины. Потом, когда комсомольцы попросили по рабочим квартирам и прохаживали по колхозам, картина набралась еще столько же. Выставка не открылась еще официально, а уже более тысячи. Такую сумму разместить было реально негде и пришлось, скрепя сердце, пойти на строгие ограничения. Отбрали 247 картин, принадлежавших 103 художникам. Из них — 23 рабочих, 18 — колхозников, 52 учащихся и 10 — случайных. Начали готовиться к торжественному открытию.

Но раньше, чем оно произошло, выставку стали осажать нетерпеливые зрители. Они шли поодиночке и экскурсиями, требовали руководителей и разъяснений. Они ждали выписки глазами в картинах, проносили перед ними часами и многие приходили потом во второй, в третий раз. Выставка не открылась еще официально, а уже не хватало места и ничего нельзя было сделать с этими зрителями, которые упорно не соглашались ждать. Таким образом до официального открытия выставку посетили 6000 человек. Чтобы больше не возвращаться к этому, следует сообщить, что не меньше людей посетили ее после открытия. Итого 12000.

Отлично, допустим, что все, что произошло в Шелкове, — случайность. Что не только в комсомольском комитете сидели непримиримые художники, но и тайные монеты, во она же были в редакции газеты и руководстве райкомом. Что случайные посетители комсомольцев-активистов и сотни художников. Что 12000 посетителей выставки — так же 12000 случайностей. Допустим, хотя это и будет по меньшей мере натяжкой Район, если говорить о его обилие, его прошлом — отдален в Палех. Район, вероятно, средний по своим художественным возможностям. А может быть, и ниже среднего: подмосковный, фабричный район без песни, орнамента, сказки...

С. Маторин. Река Свиная.

И все же, допустим: пусть случайность. Пусть отчаянная случайность. Но никак нельзя уже назвать случайностью то, что произошло затем и последующее в Шелкове привлекло внимание всей страны, а Москва, столица страны, ее сердце, с наибольшей полнотой отразила это.

Центральный дом самодеятельного искусства немедленно пришел на помощь выставке. Проставленные художники приехали смотреть картины и беседовать с теми, кто нарисовал их. Лучшие люди страны заинтересовались выставкой. Л. М. Каганович внимательно осматривал картины, то же сделал А. С. Бубнов. Московский комитет партии перенес лучшие из картин в свои стены для подробного ознакомления с ними, а Третьяковская галерея пригласила художников к себе. Не существует, кажется, газеты, которая не писала бы о выставке, и специализированные журналы достаточно интересный материал для серьезного, формального и в то же время критического разбора. И весь этот интерес, все это внимание, вся эта помощь были необычайно конкретны, целеустремленны.

В них не было ни грамма прищипленного любопытства, египтологического похлывания по плечу, восторженно-сословного. Напротив, они были полностью направлены к тому, чтобы помочь художникам понять, как мало в сущности они еще сделали, и создать им все возможности для дальнейшей работы, для учебы.

Несколько человек примеривали одежды сумками, их же и в мотках других — художественных принадлежностей. Кой кого отпраздники в Ленинград для осмотра его живописных сокровищ. Самые способные

Тихон — арт. Добронравов.

выделили для учебы в московских мастерских. Для остальных создали студию на месте, в Шелкове.

...И все же газеты писали о шелковской выставке мало. Меньше, например, чем о выставке дагестанской живописи. Это понятно — дагестанская была раньше. Как о первой МТС писали чрезвычайно подробно и много, во все меньше о последующих, так и здесь. Припомним, однако, что был момент, когда пришлось вернуться к МТС и, говоря уже не об одной, а о всех сразу, оценить общее их значение и смысл. Не является ли выставка в Шелкове недостаточным звеном в цепи фактов — длинной цепью, которая будет и будет продолжаться по ланна которой, с учетом последующих звена, достаточна для того, чтобы сделать уже выводы?

Мало сказать, что земля наша родит таланты с несказанной щедростью. Может быть, никогда и не существовало иной земли. Но, задалась череполомкой осязательной устройством, молодые ростки талантов гибла, еще не развилась. В сущности, вся история мирового искусства, мировой литературы как биографии, так и произведениями свидетельствует на всем своем протяжении о роковом антагонизме между талантом и обществом. Но это — широкое, чрезвычайно широкое поле, в этой точке скривившись все, вероятно, сильные линии любви, предшествующих нашему строю, общественных формаций, что с успехом мог бы проследить советский публицист. Остается показать, что эта работа не проделана. Но речь идет не об этом, речь идет о талантах из среды трудящихся, о талантах из народа. Судьба их с истеричающей ясностью рисует знаменитой ленинской формулой, где сказано, что эти таланты «тающимися души, давая, мал капитализму».

Воспоминается и другая гениальная формула. Маркс и Энгельс писали в «Немецкой идеологии» об общественном строе, за который борется пролетариат, что этот строй «представляет собой полное освоение всех человеческих чувств и свойств». Товарищи, вот оно обещание на наших глазах! В ослепительном свете этих слов становится ясно, что не случайна ни единая черта событий, ежедневно наполняющих нас горной радостью и восторгом. Не случайно рождение литературы у народов, которые вчера еще не владели букварем и не могли выдать им, ибо на их языке не существовало письменности. Не случайно тысячи, десятки, сотни тысяч певцов, музыкантов, актеров, прошедших великую борьбу на всеобщем смотре самодеятельного искусства. Не случайно обилие гениальных детей и общественное внимание к ним. Не случайны сотни талантливых художников, всемерно обнаруженных в Шелкове, неизмеримо малой точкой на карте нашей великой страны.

А. КАМЕННОГОРСКИЙ

Письмо из Ленинграда ПЕРЕД ПЛЕНУМОМ

Богосры критики открывают повестку предстоящего пленума правления ЦСР СССР. Большое внимание, которое уделяется в последнее время литературной критике, уже сказалось в жизни ленинградского Союза советских писателей. Недавно организована секция критиков и литературоведов, пожелавших участвовать в работе Ленинского Союза писателей. Секция дала уже суровую оценку критическим отзывам ленинградских журналистов. Она поможет и научно-исследовательским организациям сделать свою работу с жизнью современной литературы.

В атмосфере острой полемики прошло на днях обсуждение годового плана журнала «Литературный критик».

До сих пор разговоры о ненормальных взаимоотношениях с редакцией «Литературного критика», разговоры о плохой работе журнала были слышны лишь в кулуарах. Восторги отдельные замечания об ошибках и недостатках журнала, привлекло немало примеров, свидетельствующих, что на страницах журнала иногда проникают неудовлетворительные статьи. Но на страницах Л. Цырин, А. Бескин и др. пытались эти ошибки и недостатки представить, как программу и линию журнала. Товарищеская критика была погашена откровенной демократией.

О П. ВАСИЛЬЕВЕ

Секретариат ЦСР, рассмотрев материалы о дебилизме и хулиганстве в общественном месте поэта Павла Васильева, постановляет: за антиобщественные поступки и как не оправданные доверия литературной общественности, нарушившие обещания исправиться, данное им в письме А. М. Горькому, — из членов ЦСР исключить.

Секретариат ЦСР.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЛЕН. СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ О ПОВЕДЕНИИ Б. КОРНИЛОВА

За неподобающее поведение на открытии Дома советских писателей и оскорбление некоторых гостей президиум Лен. союза советских писателей объявляет Б. Корнилову строгий выговор с предупреждением о том, что он будет исключен из рядов союза, если не изменит своего поведения.

Б. Корнилову запрещается в течение 6 месяцев посещать Дом советских писателей.

Варвара — арт. Андросовая.

тика была погашена откровенной демократией.

С таким «событийным» актом не согласился другой участник собрания (Г. Белицкий, А. Горелов, Е. Добин и др.), они подчеркивали недопустимость «аннуляции» всей положительной работы журнала, имеющего теменные достижения. Подобные тенденциозные обвинения вряд ли помогут возжить редакции недостатки журнала.

Когда читает журнал, — указывает, например, Г. Белицкий, — создается впечатление, что все враждебные, антимарксистские тенденции в литературе и литературоведении уже ликвидированы. Журнал недостаточно оперативен. Он не сумел уже с самого начала ударить по ревидианским пересрастам, по провинциальным формализмам, ставшим вновь заметным в последнее время.

Большим недостатком журнала Николай Свирин считает слабое освещение профессиональной работы критики; обычно книги и статьи критиков не встречаются. Критическое разбора, а это должно в первую очередь делать «Лит. критик»; не освещается также текущая работа литературной критики; мы много говорим о таком явлении, как критические обзоры современной литературы, но «Литературный критик» не предпринимает для культивирования этого жанра ни в прошлом, ни, судя по плану, в будущем. Ряд замечаний и предложений редакции — ее представлял Т. М. Розенталь — сделали Л. Лесючевский, В. Гиллус, М. Витансон и др. Дополнить план было трудно. Этот план, как заметил один из участников совещания, является «эпистолярной темой» и в сущности оказывается тематическим планом работы нашей критики.

Опровергая заявление об игнорировании журналом ленинградских критиков, Т. Розенталь сообщил, что из 20 статей с ленинградскими критиками в Ленинград, было прислано две. Конечно, актуальность ленинградских критиков не выдерживает критики. Но трудно предположить тесную связь редакции с ленинградскими критиками, которых Т. Розенталь считает «второй основной базой журнала», если связь эта будет осуществляться... почтой.

Вопрос об ответственном редакторском представителе ставится ленинградскими критиками, которые все же не могут похвастаться особым вниманием журнала. Достаточно указать, что в план 1935 г. включены обзоры критических отделов всех московских журналов и забыты... все ленинградские журналы.

Б. Р.

ЖУРГАЗОБ'ЕДИНЕНИЕ ВЫПОЛНИЛО ПЛАН

В отчете на имя Наркомпроса А. С. Бубнова и зав. культурпромом ЦК ВКП(б) А. И. Стецкого триумфальное Жургазоб'единение сообщает, что план прошедшего года Об'единением выполнен по авторским листам на 106 проц. и по листам-отпискам — на 102 проц.

О СОСТАВЕ БЮРО СЕКЦИИ ДРАМАТУРГОВ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ПРАВЛЕНИЯ ЦСР СССР ОТ 9 ЯНВАРЯ 1935 ГОДА

Утвердить Бюро секции драматургов в следующем составе: Т. Куршонов, А. Финогенов, Погодин, Вишневецкий, Трелев, Микитенко, Гайдовский, Билль-Белоцерковский, Ромашов.

Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное Об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-54-69.

КНИГИ

по всем вопросам русск. и иностр. ПЕРУ ПЛАТО

магазины «Советский писатель», ул. Горького, 20, против Тельера, телефоны: 1-36-40 и 73-34.

НОВЫЕ КНИГИ:

ТЕАТРАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ т. I

Сборник по истории театра и драматургии изд. Лен. гос. театра драмы (о. Александровского), 280 стр. с иллюстр., в пер. 8 р. 50 к.

Выходит в январе:

1. ДЕРЖАВИН К. И. СЕРВАНТЕС И ДОН-КИХОТ 2-е изд., ор. ц. 3 р.

2. СМГНОВ А. А. проф. ТВОРЧЕСТВО ШЕКСПИРА В пер. ор. ц. 6 р.

Вышел, ал. плат. Перес. за счет заказчика. Адрес для заказов: Ленинград, ул. Горького, 144, «МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИГА».

ВТО

ВОКАЛЬНАЯ СЕКЦИЯ

11 января. Доклад А. Д. Дарькова «Словные принципы моей вокально-педагогической работы». Доклад сопровождается демонстрацией упражнений. Кино-аудиофильм Дома ученых (ул. Крапивоцкая, 16). Начало в 8 час. вечера.

12 января. Доклад (на нем. яз.) Ян Матейка «Камерный театр за 20 лет».

13 января. Доклад (на англ. яз.) В. Кармон «Шесть иностранных авторов в Камерном театре». Клуб иностранных рабочих (ул. Герцена, 19). Нач. в 8 ч. вечера.

ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО

12 января. Лекция на тему «Советский театр». Профессор П. И. Новиков «Вакханты» и социалистический театр. Коммунистический МГУ (Москва, 9). Нач. в 12 ч. дня.

МОК ВАРНТО

13 января. Из цикла лекций «Театр». Профессор А. Н. Деревяцкий «Античный театр». Большой зал Дома ученых (ул. Крапивоцкая, 16). Нач. в 8 ч. веч. Вход по абонементу.

ОПЕРНАЯ СЕКЦИЯ

15 января. Доклад доцент МГК В. Ф. Ферман «Варди и Варгер». Зал Дома ученых (ул. Крапивоцкая, 16). Нач. в 7 ч. веч. Вход по абонементу.

17 января. Пересказ с 6 января концерт с 6-летним ВТО «Народные песни и вокальные упражнения». Дом ученых (ул. Крапивоцкая, 16). Нач. в 9 ч. 30 м. веч.

АКТЕРСКАЯ СЕКЦИЯ

17 января. Доклад В. О. Ниландер «Актриса африканского театра». Малый зал Дома ученых (ул. Крапивоцкая, 16). Нач. в 9 ч. 30 м. веч.

№ 11 ЗНАМЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.

В номере: Шалва Сулган — Дорога в завтра, повесть. Вас. Гроссман — Два раскала, рассказ. Язык Илья Соболевича. Фердууси — Ша-Нама, главы из поэмы. Перевод с персидского проф. И. Рувинского. С. Орловский — Зауряд-роман (продолжение). О. Кольчуга — У Черного моря, стихи. В. Жданов — Опынные соловьи, рассказ. Марк Тарский — Сон, стихи. Л. Варьял — Дагестанские новеллы. Семел Липкина — Ночь перед эвакуацией, стихи.

М. Галактионов — Исторические стратегические уроки мировой войны 1914—1918 г.

Литературный дневник. В. Катаев — «Что, собственно, было?». А. Лейтес — Вальсальная поэзия и Фердууси. А. Тарасов — Волнение. (О «Кантале» О. Валленберга).

Литература и искусство. В. Вишневецкий — Япония и японские типы в советской литературе. А. Мигулин — Итоги спора о Дос-Пассосе.

Условия подписки на 1935 г. на 12 мес. — 24 р., на 6 мес. — 12 р., на 3 мес. — 6 р.

Цена отдельного номера — 2 р. 30 к. Подписка принимается в почтовых отделениях, а также отделениями уполномоченными, кассами КОИЗГА. Журнал «Знамя» выложен в рекомендательный список ЦУРКА.

В номере помещены материалы по Убейкистану, Туркменистану, Таджикистану, Киргизии и Кара-Калпакии.

Статьи: Секретаря ЦК СССР Т. А. Евукидзе, секретаря Совета национальностей ЦК СССР Т. А. Талдыжева, профессора, зам. пресде. Совнаркома Таджикистана ЦСР Т. А. Калктыя, И. Трелева.

Очерки: М. Гарина, В. Кива, Е. Норда, А. Рутова, А. Пестковского, Ю. Яковлева.

Стихи и рассказы: Алий-бе, Берды Султан-Николаев, Гайрат, В. Ровса Даврона, Е. Зюбли, Б. Корбабаев, Лаксут, Г. Сангакчиев, Ораз Таш Назарова, Хаким Карим.

Фотосюжеты: В. Кудрякова, Е. Миклулинич, М. Пеноса, О. Фридлинд, А. Шайхета, А. Штернберг и др.

Номер содержит 88 страниц на плотной бумаге в многокрасочной окладке.

Иллюстрации (свыше 100) художественно отпечатаны способом шелко-травы.

Специальный ОРЕДНЕ-АЗИАТСКИЙ НОМЕР ПОСТУПАЕТ ТОЛЬКО В РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ И ПОДПИСЧИКАМ «ОГОНЬ» НЕ РАССЫЛАЕТСЯ.

Цена специального номера — 3 р. 50 к.

Заказы направлять: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Жургазоб'единение или уполномоченным Жургаза.

ЖУРГАЗОБ'ЕДИНЕНИЕ.

Катерина — арт. Еланская.

ОТЧЕГО ЛЮДИ НЕ ЛЕТАЮТ?

Окончание. См. 3 стр.

Отчего люди не летают? Вероятно, потому, что на Катерину можно опираться? Больше того, затем, что Катерина может одухотворить и вдохнуть в Кудряшова в Варвару нечто этого парства, дать им эту мечту. Не сейчас, не сейчас, в будущем, в будущем. Но уже сейчас самим своим непонятным отчего люди не летают она таинственно бесновит и привлекает к себе внимание и любовь всех этих Варвар и Кудряшей.

Кудряш Ляванова написана сочными красками. Настоящее масло. Оно есть сейчас перед нами Кудряш — Ляванов, живой, армий, телесный его можно ощущать, вот это ощущение о нем. Случайка передается по жидким, переливается, ищет, ищет себе свободу. Кудряш валера не потому, что у него такой характер, а потому, что плуто же ему девать куда-нибудь свою мечту. И в чувствах, что неслучайно его фигура и эта улыбка и походка и эта свобода, с какой он себя проявляет, и какая-то наявность величия не оттого, что вот, мол, такой должен быть озорник, добрый молодец, душа нараспашку. Это был бы штамп — пусть и очень красивый. И чувствуется, что все это велит, создает эту могучую силу, энергию, волю которая толкает внутри, просится наружу, а если вырвется, каких только делов и надежд. И Ляванов прекрасно показывает происхождение этого удальства и озорства.

Самые любовные сцены Кудряши такие же наивно грубые, зиперные, откровенные... Лучшей пары, чем Варвара — Андросовская ему, пожалуй не полюбят. Варвара у Андросовой это действительно луч света в темном царстве уныния и жалоб, — сметливая, лукавая, греховная... Сцена в овраге, где встречаются Варвара и Кудряш, полна почти шекспировской поэтичности. Далекие горизонты, так и хочется закурчать глаза, так хорошо. Волга, Пятиалая кружащая голову любовная истома. Летняя ночь. Волжская лодка. Ее дает чувствовать Исаак Рабинowitz. Здесь, да еще в финальной сцене художник срывает поэту Котяти, этого не скажешь о Волге первого акта. Правда и ней не прядершится... Она чужда показана. Она поборница поэзии, да, эта прелесть Волга, Ляванова, эта прелесть Волга, но ведь здесь прелесть должна быть естественной. Пусть может это Волга Кудряшова, который глядя на нее, восклицает: «Чудеса, истинно чудеса».

скажет, что чудеса. Или это Волга Катерина, — а ведь может быть Катерина Волга. Или разудалая Волга Кудряшова. Или, наконец, могучая вольная русская река, как контраст мертвому городу Калинин, где залив погребена Катерина, — Волга Острожского? Нет, это даже не Волга Исаака Рабинowitzа. Это просто геогграфическая Волга, Волга, как Волга, но вернемся к нашим героям, которых мы оставили наедине в овраге. Любовь Варвары и Кудряши, для Кудряши найдена таинственная сила, которая насыщает его и придает ему эротику. Эта сила может быть и в духе, и в снелках и о снелках представляется зрителю как вполне самостоятельная театральная волея. Правда, могут указать на некоторую архаичность похеричности, на излишнюю фазюлогизм этой сцены. Указать и упрекнуть в этом театр. Мы не собираемся поддерживать такой упрек, он несколько похаживает ханжеством. Чересчур уж часто любовь такой молодости как Кудряш и Варвара, изображается у нас как этакая литературная любовь. Но упрек этот имеет известный смысл, если видеть эту сцену в связи со всей «Прозой», со всем спектаклем, да не самостоятельную, да, там доверчива и доверчиво жрица, хотя она и не и не переключит границ, эта чувственность. В Варваре довольно резко выражены ее эротические, иногда задевающие всякие образ, даже когда это необходимо. В Кудряше — его мужское начало, его плотность, его «звероватость». Все это приобретает свой смысл и подтверждает то, что мы говорили выше об антигезе «духа и материи».

Варвара и Кудряш — вот она сама земля, сама плоть, всеми корнями питаемая жизнью и поэтому плутоносная побеленная. Бледным цветом вылет над ними Катерина, который свет с ними места, которая как бы как-то трещит за эту свою откровенность, воздушность, наемную сущность... В сцене оврага, так же как и в других сценах. Варвара и Кудряш — это «народ». Но ведь такой же народ и Катерина и Тихон и Кулягина. В театре же народ — это преимущественно Варвара с Кудряшом. А Катерина... Это интеллигентская Катерина из пороки, да простится это может быть неуместное слово, из пороки лишней жизни, которая может лишь жаловаться и рыдать, валывать и жаловаться... Конечно из этого можно соткать изумительный поэтический образ, особенно женский образ. Но трудно согласиться, что для этой цели следует выбрать Катерину, а не Тихона, Острожского. Кажется, что Ляванов и Андросовская, работая над ролью, совершенно инстинктивно оттащивались от образа Катерины, контрастируя, враждая с ней, что

нашло свое выражение в этой подчеркнутой чувственности. Кажется, сам театр, работая над спектаклем, стимулировал эту враждебность «духа и плоти». Кажется, что театр, всей душой любя Катерину, — та же душа и Кудряшу и Варваре, им симпатизировал, им отдавал предпочтение, их приветствовал. Их, — потому что истина за ними, за Кудряшом и Варварой. Истина земля, действия, плоть, жизнь. «Прочная старая жизнь», «здоровый новый живот» — как говорится у Чехова в «Вишневом саду». Прощай, малая Катерина. Здравствуйте, Кудряш и Варвара!

Но если при такой иже терлет Катерина, то терлет и сама Варвара и тем самым не заслуживает такого прищипываемого внимания.

Эта идея у театра не была, не замысел, не сознательная установка, — она глубоко подсознательная — художник не всегда сознает выраженные им идеи.

Быть может этот мой взгляд на спектакль, на то, что не лежит эта идея противопоставления «духа и материи» — взгляд глубоко неверный. Но такое впечатление возникло у меня на первом спектакле, и только во второй раз оно укрепилось во мне, оно преследует меня, и кажется, что если оно продукт одного, оно может возникнуть и другого, и кажется, что порой лучше высказать даже неверную мысль, чем утаить ее вовсе.

Но есть в спектакле образ поразительно верный, объективный, образ большой внутренней силы, полноты трагический. Я говорю о Тихоне, о Добронравове, работа которого принадлежит к лучшим созданиям актерского мастера за последние годы. Самое странное в Тихоне у Добронравова заключается в том, что он не сознает всей трагичности своего безволия. Это безволие словно помогает Тихону жить. Оно словно обещает получение им удара. Он иногда как-то бедливо стискивает, он иногда блаженствует в этом своем безволии. Бывает ирония, когда он в этом безволии, как сыр в масле купается. Вспоминается, как замечательно проходит Тихон — Добронравов в конце первого акта с этой чуть-чуть сползающей с плеч поддевой и сползающей на затылок фуражкой — какими-то воздушными шагами, легкими, счастливыми... Это безволие, повторю, помогает ему жить. Но оно же готовит ему самую страшную участь. Варвара обещала Катерине «Проза» замечательная. Тихон на над трудом сказать: «Хорошо тебе, Катя. А я-то зачем остался жить на свете и мучиться». Это слово обещает получение им удара. Он иногда как-то бедливо стискивает, он иногда блаженствует в этом своем безволии. Бывает ирония, когда он в этом безволии, как сыр в масле купается. Вспоминается, как замечательно проходит Тихон — Добронравов в конце первого акта с этой чуть-чуть сползающей с плеч поддевой и сползающей на затылок фуражкой — какими-то воздушными шагами, легкими, счастливыми... Это безволие, повторю, помогает ему жить. Но оно же готовит ему самую страшную участь. Варвара обещала Катерине «Проза» замечательная. Тихон на над трудом сказать: «Хорошо тебе, Катя. А я-то зачем остался жить на свете и мучиться». Это слово обещает получение им удара. Он иногда как-то бедливо стискивает, он иногда блаженствует в этом своем безволии. Бывает ирония, когда он в этом безволии, как сыр в масле купается. Вспоминается, как замечательно проходит Тихон — Добронравов в конце первого акта с этой чуть-чуть сползающей с плеч поддевой и сползающей на затылок фуражкой — какими-то воздушными шагами, легкими, счастливыми... Это безволие, повторю, помогает ему жить. Но оно же готовит ему самую страшную участь. Варвара обещала Катерине «Проза» замечательная. Тихон на над трудом сказать: «Хорошо тебе, Катя. А я-то зачем остался жить на свете и мучиться». Это слово обещает получение им удара. Он иногда как-то бедливо стискивает, он иногда блаженствует в этом своем безволии. Бывает ирония, когда он в этом безволии, как сыр в масле купается. Вспоминается, как замечательно проходит Тихон — Добронравов в конце первого акта с этой чуть-чуть сползающей с плеч поддевой и сползающей на затылок фуражкой — какими-то воздушными шагами, легкими, счастливыми... Это безволие, повторю, помогает ему жить. Но оно же готовит ему самую страшную участь. Варвара обещала Катерине «Проза» замечательная. Тихон на над трудом сказать: «Хорошо тебе, Катя. А я-то зачем остался жить на свете и мучиться». Это слово обещает получение им удара. Он иногда как-то бедливо стискивает, он иногда блаженствует в этом своем безволии. Бывает ирония, когда он в этом безволии, как сыр в масле купается. Вспоминается, как замечательно проходит Тихон — Добронравов в конце первого акта с этой чуть-чуть сползающей с плеч поддевой и сползающей на затылок фуражкой — какими-то воздушными шагами, легкими, счастливыми... Это безволие, повторю, помогает ему жить. Но оно же готовит ему самую страшную участь. Варвара обещала Катерине «Проза» замечательная. Тихон на над трудом сказать: «Хорошо тебе, Катя. А я-то зачем остался жить на свете и мучиться». Это слово обещает получение им удара. Он иногда как-то бедливо стискивает, он иногда блаженствует в этом своем безволии. Бывает ирония, когда он в этом безволии, как сыр в масле купается. Вспоминается, как замечательно проходит Тихон — Добронравов в конце первого акта с этой чуть-чуть сползающей с плеч поддевой и сползающей на затылок фуражкой — какими-то воздушными шагами, легкими, счастливыми... Это безволие, повторю, помогает ему жить. Но оно же готовит ему самую страшную участь. Варвара обещала Катерине «Проза» замечательная. Тихон на над трудом сказать: «Хорошо тебе, Катя. А я-то зачем остался жить на свете и мучиться». Это слово обещает получение им удара. Он иногда как-то бедливо стискивает, он иногда блаженствует в этом своем безволии. Бывает ирония, когда он в этом безволии, как сыр в масле купается. Вспоминается, как замечательно проходит Тихон — Добронравов в конце первого акта с этой чуть-чуть сползающей с плеч поддевой и сползающей на затылок фуражкой — какими-то воздушными шагами, легкими, счастливыми... Это безволие, повторю, помогает ему жить. Но оно же готовит ему